

УДК 882

РОМАН ВОСПИТАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ М.М.БАХТИНА (К БАХТИНСКОЙ ТИПОЛОГИИ РОМАНА)

© 2003 Л.С. Конкина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Статья посвящена рассмотрению одной из главных проблем бахтинского научного наследия – роману воспитания (*Bildungsroman*). В статье анализируются работы М.М.Бахтина разных лет, в которых представлены его воззрения на указанную проблему. В статье Конкиной Л.С. бахтинская типология жанра романа рассматривается на примерах из истории западноевропейского и русского романа ХУШ-ХІХ вв.

Важнейшим этапом в развитии представлений о романе явился век Просвещения. Романы Филдинга, Дефо, Свифта, Ричардсона, Виланда, Гете, Руссо, философские повести Вольтера необычайно расширили границы жанра и поэтому, несомненно, в истории западноевропейской литературы век ХУШ – это прежде всего век романа.

Этот период в истории изучения романа отличается и пристальным вниманием самих романистов к этому типу повествования. Предисловия Г.Филдинга к его роману «История Тома Джонса-найденюша», предисловие Виланда к его роману «История Агатона» стали существенным вкладом в теорию жанра. В них авторы объясняли новые подходы к изображению героя и всего того нового, важного, о чем, как им представлялось, необходимо было предупредить читателя.

Суждения о романе Филдинга и Виланда представляются нам интересными и важными, так как М.М.Бахтин в своих работах о романе указывает на них и на их произведения как на этапные в развитии жанра романа.

Работы М.М.Бахтина в отечественном литературоведении представляют пример одновременно и философского, и социологического подходов к решению вопросов, связанных с историей и теорией литературы. Оба методологических принципа, как нам представляется, активно действуют в целом ряде бахтинских работ о романе, в том числе и работ, связанных с типологией жанра.

М.М.Бахтин рассматривал жанр как типичную форму высказывания, развернувшегося с максимальной широтой, и поэтому находящегося в определенном взаимодействии с языковым высказыванием – «микрожанром».

С другой стороны, жанр в понимании Бахтина – это типологически устойчивое и эстетически значимое образование, которое сохраняет свое значение в длительной исторической перспективе. Способность жанра сохранять свои свойства М.Бахтин, как известно, называл «памятью жанра». С этой точки зрения жанры представляют огромный интерес для исторической поэтики, а, следовательно, могут рассматриваться и как категории философско-эстетические.

В работе «Роман воспитания и его значение в истории реализма», имеющей подзаголовок «К исторической типологии романа», М.Бахтин в первую очередь указывает на «необходимость исторического раскрытия и изучения романного жанра» [3, с.199] (Выделено нами. – Л.К.).

М.Бахтин подчеркивает, что «ни одна конкретная историческая разновидность не выдерживает принципа в чистом виде», но вместе с тем может быть охарактеризована преобладанием того или иного способа оформления героя. «Принцип оформления героя» закрепляется Бахтиным в качестве ведущего поэтологического элемента, который, в свою очередь, «связан с определенным типом сюжета, концепцией мира, с определенной композицией романа» [3, с.199].

Изучение жанровой типологии романа представляется Бахтину делом необходимым и важным, но не с точки зрения формально-нормативно-статистической, а, как мы уже подчеркивали, исторической.

В исследовании «Роман воспитания в истории реализма» [3, с.395], имеющем подзаголовок к типологии романа речь идет о тех типах романа, которые исследовал Бахтин. Роман воспитания интересовал его в связи с творчеством Гете, который, как указали издатели и биографы Бахтина, «наряду с Достоевским и Рабле был третьим главным героем научного творчества Бахтина» [3, с.395]. Книга Бахтина о Гете не сохранилась, уцелели лишь подготовительные материалы к ней, но и они проливают ясный свет на обозначенную нами проблему.

Термин «роман воспитания» (*Bildungsroman*) был введен Карлом Моргенштейном между 1810-1820-ми гг. для обозначения романов, написанных Ф.М. Клингером. Позднее был перенесен на роман Виланда «История Агатона» и романы Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» и «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Концепцию романа воспитания, выдвинутую Карлом Моргенштейном, можно трактовать следующим образом: «Он будет называться романом воспитания, во-первых, и прежде всего, из-за своего содержания, потому что изображает индивидуальный рост и становление героя с начала и до определенного уровня совершенства, а во-вторых, потому, что посредством этого изображения способствует становлению читателя в большей степени, чем это характерно для любого другого типа романа» [1, с.78].

Концепция романа воспитания стала общепринятой и популярной, и в большинстве случаев ее теоретического осмысления исследователи, как правило, опирались на уже упоминавшиеся нами романы Гете о Вильгельме Мейстере. В этом же направлении, по-видимому, двигалось и бахтинское исследование.

Бахтин относит к типу романа воспитания невероятно широкую область романов, начиная с романов античности и заканчивая русскими романами XIX века.

«Бахтин лоббирует этот жанр, - пишут в своей статье Румяна Делчева и Эдуард Власов, - с пафосом, который напоминает пафос апологетов соцреализма» [5, с.28]. С этим утверждением трудно не согласиться, если обратиться к тому перечислению произведений, начиная от античности и до XIX века, которое приводит Бахтин в начале своей работы.

Таким образом, у Бахтина в категорию романа воспитания попадает и античный роман «Киропедия», и роман Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», романы И.А.Гончарова «Обыкновенная история» и «Обломов» и целый ряд других произведений, ни тематически, ни исторически, на первый взгляд, между собой почти никак не связанных. На это обстоятельство указывает и сам Бахтин.

Одной из главных черт романа воспитания Бахтин считал показ взаимоотношений человека с миром, становление и формирование его личности обстоятельствами его собственной жизни. В своих рассуждениях, Бахтин опирался на уже упоминавшееся нами Предисловие Виланда к его роману «История Агатона». Этот писатель, который известен теперь больше специалистам-филологам, нежели широкому кругу читателей, по мнению Бахтина, сыграл выдающуюся роль в истории романа, в том числе и того типа романа, который получил название «роман воспитания» (*Bildungsroman*).

В 1764 году в одном из своих писем Виланд писал следующее: «Я должен был или реформировать свой платонизм, или отправиться на поиски пустыни, чтобы жить там. Опыт разрушал одну мою иллюзию за другой, я ощущал ничтожество всех высоких слов, всех блестящих фантомов и, наконец, обрел равновесие» [2, 289].

Подобные настроения начинают постепенно овладевать писателем все более и он, критически оценивая свою жизнь, стремится к созданию «теории человеческой души» на основе собственного опыта. Так рождается замысел романа «История Агатона», где в образе главного героя автор предполагал изобразить самого себя, свои искания, как если бы он был в обстоятельствах Агатона. В Предисловии

к роману «История Агатона» (1766 г.) Виланд дает свое понимание природы и сущности того повествования, которое он предлагает своему читателю.

Виланд противопоставляет роман героической поэме и переосмысливает героя романа, отделяя его от героя этой поэмы, отказываясь в его обрисовке от элементов поэтики фантастического и чудесного. Агатон, подчеркивает Виланд, герой вымышленный, но его сознание сконструировано автором в соответствии с естественными законами человеческой природы и обусловлено обстоятельствами его жизни.

Вместе с тем Виланд указывает на те черты в сюжете и в обрисовке героя своего романа, которые сближают его роман с романом Г.Филдинга «История Тома Джонса-найденыша». Одновременно он подчеркивает и отличие своего романа и романа Филдинга от Ксенофоновой «Киропедии». Оно состоит в том, что у Ксенофонта выдумка вплетена в историческую правду, а у Филдинга - наоборот.

Говоря, что Агатон – герой вымышленный, Виланд, тем самым, подчеркивает, что напрасно было бы искать его подобие в исторических описаниях древних. Это – герой нового типа, соответствующий и определенному, новому для того времени, типу романа.

Лессинг назвал роман Виланда «История Агатона» первым серьезным творением, принадлежащим, с его точки зрения, к числу выдающихся достижений литературы XVIII века. Он писал: «Наше высшее общество занято преимущественно произведениями, авторы которых обозначены тремя звездочками, и, конечно, пища, доставляемая французскими романами, для него гораздо приятнее и удобоваримее. Когда вкус у него станет развитее, а желудок крепче, когда оно вместе с тем выучится читать по-немецки, то, разумеется, пойдет и дальше «Агатона». <...> Я говорю именно об этом произведении и лучше скажу здесь, чем не скажу вовсе, насколько высоко я его ставлю, потому что, к крайнему моему изумлению замечаю, какое глубокое молчания хранят по поводу его наши критики или каким холодным и

равнодушным тоном о нем говорят» [8, с.562-563]. «История Агатона» представлялась ему романом «классического вкуса», написанным для «думающих голов».

С конца 1770-х годов имя Виланда и его роман «История Агатона» становятся широко известными в России. Появляются и первые его переводы на русский язык. Среди его читателей и поклонников творчества Виланда в России мы найдем имена многих русских писателей и поэтов. Среди них - Карамзин, Жуковский, Грибоедов и Пушкин. О читательской истории романа Виланда в России напомнила автор работы о романе воспитания в Германии А.В.Диалектова*, приведя строфу из стихотворения Пушкина «Послание к Юдину»:

Вот мой камин – под вечер темный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать.
Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья... [7, с.35-44]

В уже упоминавшейся нами работе «Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения» А.В. Диалектова говорит о несомненном влиянии Виланда на последующее развитие немецкой романной продукции. Исследовательница указывает: «Прямого подражания Истории Агатона в немецкой литературе нет. Однако нельзя отрицать того факта, что воспитательный роман, как жанровая разновидность, становится самым популярным и приемлемым явлением в немецкой литературе эпохи Просвещения» [6, с.14].

К жанру романа воспитания (Bildungsroman) в немецкой литературе относятся и романы Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» и «Годы странствий Вильгельма Мейстера». При этом они, бесспорно, представляют собой более вы-

* Диалектова Алевтина Владимировна, кандидат филологических наук доцент кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского университета, бывшая аспирантка М.М.Бахтина, написавшая под его руководством работу «Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения».

сокою ступень в развитии этой жанровой разновидности, на что и указывает А.В.Диалектова. Суждения и выводы этой исследовательницы, повторим, представляется нам важным и интересным, так как они, в известной степени, могут выражать и мнение М.М.Бахтина.

И сам роман Виланда, и в особенности его рассуждения и его герои, представленные в «Предисловии» к роману, высоко ценились Бахтиным. Свои рассуждения о романе воспитания Бахтин, бесспорно, строит с опорой на художественный опыт Виланда.

Бахтин определяет роман воспитания как такой тип, в котором «прежде всего, необходимо строго выделить момент *существенного становления* человека». Таким образом, тип героя романа выдвигается Бахтиным как один из типологически устойчивых признаков. «Сам герой, его характер, - пишет Бахтин, отделяя этот тип героя от героя романа испытания, - становятся *переменной величиной* в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и переорганизуется весь сюжет романа. Время вносится внутрь человека. Входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни. Такой тип романа можно обозначить в самом общем смысле как роман становления человека» [3, с. 212].

Подавляющее большинство романов, подчеркивает Бахтин, «знает только образ *готового* героя», что означает, что человеческая суть героя такого романа не меняется. «События романа, - продолжает Бахтин, - меняют его судьбу, меняют его положение в жизни и в обществе, но сам он при этом остается неизменным и равным себе самому» [3, с. 201]. Неравенство героя самому себе, то есть развитие героя, подчеркивает Бахтин, отличает роман становления от романа испытания; здесь все переживаемые героем события – приближение к жизненной цели или удаление от нее, продвижение по социальной лестнице, обретение или потеря любви – не изменяют самого героя.

Очевидно, что термин «роман становления» приобретает у Бахтина другое наполнение: он шире традиционного термина «роман воспитания» и в этом расширительном толковании прилагается Бахтиным и к «Киропедии», и к «Парцифалю», и к «Обыкновенной истории» Гончарова и другим, перечисленным им романам. К «классическому» типу романа воспитания Бахтиным отнесена только одна из разновидностей романа становления. «Этот тип в наиболее чистом виде представлен в классическом романе воспитания второй половины ХУШ века, и прежде всего у Виланда и Вецеля», - пишет Бахтин. Элементы этого типа романа, считает Бахтин, имеются у Гете. [3, с.201].

Роман становления, в котором, в противоположность статическому дается «динамическое единство образа героя» Бахтин подразделяет на пять основных подтипов. Подразделяются они по степени и характеру освоения реального исторического времени, которое и определяет становление человека, которое может быть «весьма различным».

Таким образом, бахтинская классификация вновь возвращается к одной из его ключевых категорий – хронотопу. Первый подтип романа становления, считает Бахтин, основан на идиллическом хронотопе.

Только в идиллическом хронотопе «может быть показан путь человека от детства, через юность и зрелость к старости с раскрытием всех тех существенных внутренних изменений в характере и воззрениях человека, которые совершаются в нем с изменением его возраста» [3, с.212]. Такой тип становления человека имеет циклический характер (повторяемости в каждой жизни). Циклического возрастного романа становления в его «чистом» виде вообще не было создано, считает Бахтин, но многие его элементы «рассеяны у идилликов ХУШ века и у представителей регионализма и *Heimatkunst* в Х!Х веке» [3, с.201].

Значение идиллии для развития романа в целом Бахтин считает «огромным» [4, с.377]. Ее влияние на роман распространяется в пяти основных направлени-

ях: на так называемый областнический роман (Heimatkunst), на роман Гете, где заявлена тема разрушения идиллии; влияние идиллии на сентиментальный роман руссоистского типа, влияние идиллии на семейный роман и роман поколений и, последнее, влияние идиллии на романы различных разновидностей.

Как мы увидим далее подавляющее большинство названных типов романов в бахтинской классификации попадают в тип романа становления.

К этому же типу романа становления Бахтин относит ранние романы Толстого, которые, с его точки зрения, во многом вобрали в себя традиции идилликов ХУШ века. Указывая на значение идиллии для развития романа нового времени, он вместе с тем подчеркивает, что оно «надлежащим образом не понято и не оценено» [4, с. 377].

Вторая разновидность романа становления, представляющая тип циклического становления, «рисует некий типически повторяющийся путь становления человека от юношеского идеализма и мечтательности к зрелой трезвости и практицизму» [3, с.213]. Изображение мира и жизни в этом типе романа представлено как опыта или школы, через которую должен пройти герой-идеалист. Этому типу романа полностью соответствует, считает Бахтин, роман Виланда «История Агатона» и роман «Зеленый Генрих» Келлера. Элементы этого типа романа имеются в романах Гиппеля и Жан-Поля, а также у Гете.

К этой разновидности принадлежат также и романы Гончарова, в которых речь идет «прежде всего о крушении и ломке идиллического мировоззрения». «Положительный человек идиллического мира, - продолжает Бахтин, - становится смешным, жалким и ненужным, он либо погибает, либо перевоспитывается и становится эгоистическим хищником» [4, с.383]. Крушение идиллического взгляда на мир у Адуева-младшего, крушение идиллии в «Обломове», где подчеркнута «стремление Обломова к постоянству, неизменности обстановки, его боязнь пере-

мещения, его отношение ко времени» [4, с.383].

Такой трактовки романа Гончарова и его героя до бахтинских работ о хронотопе не было в отечественном литературоведении. Следует еще указать и на то, что этот подтип романа становления Бахтиным назван «циклическим» и биографическое время, хотя и сохраняет в нем свое значение, не играет столь важной роли, как в следующем подтипе - биографическом романе становления.

Третий тип романа становления отличается нециклическим построением сюжета. Становление героя происходит здесь исключительно в биографическом времени и совпадает с жизнью самого героя романа. Поэтому и герой проходит не через *типичные* этапы становления *любого* человека, а через *индивидуальные*, «неповторимые», никаким другим героем не пережитые события своей собственной жизни.

В этом типе романа становление героя является «результатом всей совокупности меняющихся жизненных условий и событий» [3, с.213]. Роман повествует о судьбе человека, а становление «жизни-судьбы сливается со становлением самого человека» [3, с.213]. К этому типу Бахтин относит роман Г.Филдинга о Томе Джонсе-найденыше, таков «Дэвид Копперфилд» Диккенса.

Четвертый тип – дидактико-педагогический тип романа. В его основании лежит определенная система педагогических воззрений, система взглядов. Совершенно очевидно, что этот тип наиболее ярко представлен романом Руссо «Эмиль, или О воспитании». На характеристике этой разновидности романа становления Бахтин почти не задерживается, переходя к главной цели своего исследования - роману пятой разновидности.

Пятый – «самый существенный», с точки зрения Бахтина, тип, в котором становление героя дается вместе с историческим становлением. Становление человека во всех четырех предшествующих типах происходило на фоне неподвижного мира. «Наличный и устойчивый в этой наличности мир требовал от человека известного приспособления к нему, - подчеркивает

Бахтин. [3, с.214]. Во всяком типе романа воспитания идея становления человека была очень продуктивной, потому что «она поворачивала мир другой стороной к человеку», но Бахтин видит ее ограниченность в том, что сам-то мир не меняется – меняется отношение к этому неподвижному миру самого человека-героя.

Романы пятого подтипа представляют совершенно другую картину становления героя романа – представляют романы «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Симплиций Симплициссимус», «Вильгельм Мейстер». Процесс становления выходит за рамки частного дела личности, его приватно-биографического аспекта, а приобретает черты исторического становления. «Меняются *устои* мира, и человеку приходится меняться вместе с ними. Понятно, что в таком романе становления во весь рост встанут проблемы действительности и возможности человека, свободы и необходимости и проблема творческой инициативности» [3, с. 214]. Этот тип романа Бахтин относит к реалистическому методу построения героя.

Рассматривая поочередно каждый из выделенный им типов, Бахтин указывает и на основные черты их поэтики. Например, считает он, существенные элементы становления человека могут быть показаны в идиллическом времени «от детства через юность и зрелость к старости».

Второй тип романа разрушает идиллическое время. Это – линия «крушения», «ломки» идиллического мировоззрения героя, изменением его психологии. Яркий пример такого романа – «Обыкновенная история» Гончарова. Здесь «изображается крушение в условиях капиталистического центра провинциального идеализма или провинциальной романтики героев, которые отнюдь не идеализируются; не идеализируется и капиталистический мир: раскрывается его нечеловечность, разрушение в нем моральных устоев... всех прежних человеческих отношений – любви, семьи, дружбы, вырождение творческого труда ученого, художника и т.д.» [4, с.383].

«Тема разрушения идиллии... - считает Бахтин, - становится одной из основных тем литературы в конце ХУШ и в пер-

вой половине XIX века» [4, с.381]. Однако Бахтин все-таки оговаривается, что идиллические моменты, а следовательно, идиллическое время «спорадически рассеяны в семейном романе», далее к нему прибавляется и идиллический момент в романе поколений у Теккерея, Голсуорси, Т.Манна.

Идиллическому миру все чаще и чаще в романе воспитания противопоставляется «большой, но абстрактный мир, где люди разобщены, эгоистичны, замкнуты и корыстно-практичны» [4, с.382]. Эти мотивы, несомненно, присутствуют в романе «Обломов», идиллический хронотоп Обломова противопоставлен практически настроенному уму «штольцев». Таково и разрушение идиллии в романах Гете. Человек должен воспитать себя для жизни в этом мире.

В этом своем выводе М.Бахтин опирается на определение романа, данное Гегелем - роман как отражение воспитания человека в буржуазном обществе. «Процесс личного перевоспитания человека, - повторяет Бахтин еще раз, но уже в другой своей работе, ту же мысль, - вплетен здесь в ломки и перестройки всего общества, то есть в исторический процесс» [4, с. 382].

Совершенно особое место в развитии романа становления занимает роман «Гаргантюа и Пантагрюэль». По мнению Бахтина, роман Рабле представляет «величайшую попытку построить образ растущего человека в фольклорном народно-историческом времени» [3, с.216].

Мы рассмотрели только один из типов романа, разрабатываемых Бахтиным. – роман становления. В своих построениях типологии европейского романа Бахтин, как это часто происходит в его исследованиях, не прибегает ни к какому аналитическому рассмотрению текстов самих произведений. Его рассуждения носят в большей степени общетеоретический и философский, но не исключительно литературоведческий или филологический характер. В этом заключается одновременно и сила, и слабость аргументации бахтинских работ.

Стремление к универсальной систематизации, охвату больших исторических

пластов вообще характерно, как известно, для бахтинской методологии. В построении типологии жанра романа мы также сталкиваемся с этим стремление исследователя выстроить прежде всего *схему*, или общий каркас романа становления на основе введенной им категории хронотопа.

Роман воспитания в той его форме, в которой он сформировался в литературе немецкого Просвещения в XVIII веке является, по мнению Бахтина, лишь частной формой (одной из разновидностей) большого пласта *романа становления*. Этот тип романа противопоставлен им *роману испытания*, герой которой – «величина постоянная» в формуле романа. В отличие от него герой романа становления – «величина переменная» - он меняется – меняется его отношение к жизни, к событиям, к самому себе и своим поступкам. Герой эволюционирует, а потому и основой сюжета романа становятся события, формирующие его личность. Причем формирование героя идет не в биографическом времени идиллического хронотопа, а в историческом времени становления самого мира.

Таким образом, оригинальность бахтинских подходов состоит в том, что роман воспитания рассматривается им только в контексте всех пяти разновидностей романа становления. Роман воспитания «в особенности это касается второго типа - романа воспитания в точном смысле (Виланд как основоположник его), прямо подготовившего роман Гете» [3, с.203].

Таким образом, выстраивается генетическая линия развития одного из важнейших типов европейского романа, названная Бахтиным романом становления, от античности и до романов XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Emmel H.* History of the German Novel. - Detroit: Wayne State UP, 1984.
2. Wielands Briefwechsel. Hrsg. Von der Deutschen Akad. Der Wiss., Bd. 3; Briefe der Biberacher Amstjahre. - Berlin, 1975
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. - М.:Искусство, 1986.
4. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. - М.:Художлит., 1975.
5. *Делчева Р. Аласов Э.* Михаил Бахтин учение социалистического реализма // Диалог. Карнавал. Хронотоп. - 1999. - № 3.
6. *Диалектова А.В.* Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения. - Саранск. 1972.
7. *Диалектова А.В.* Размышляя над строкой поэта... (К проблеме стиля рококо в поэме А.С.Пушкина «Руслан и Людмила» // А.С.Пушкин и современность: научно-педагогический аспект. - Саранск. 1999.
8. *Лессинг Г.Э.* Гамбургская драматургия. - М.1953.

THE ARTICLE TOUCHES UPON THE PROBLEM OF THE NOVEL OF UPBRINGING (BILDUNGSROMAN) IN THE BAKHTIN'S TIPOLOGY OF NOVELS

© 2003 L.S. Konkina

Mordovsky State University after N.P. Ogarev

The article touches upon the problem of the novel of upbringing (Bildungsroman) in the Bakhtin's typology of novels. In her article L.S.Konkina analyses this problem as it is presented in the Bakhtin's works of various periods of his creative work in the connection with the history of Russian and European novels of XVIII-XIX-th centuries.